

Научная статья

УДК 371.3+256

https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_86

Н. В. Ликвинцева

Иван Аркадьевич Лаговский как христианский педагог

Наталья Владимировна Ликвинцева

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва, Россия,

natalia.likvintseva@gmail.com

аннотация: В статье изучается вклад Ивана Аркадьевича Лаговского (1889–1941) в христианскую педагогику русского зарубежья. Автор обращает внимание на то, что деятельность Лаговского как педагога тесно связана с Русским студенческим христианским движением (РСХД), ставшим для него своеобразной «лабораторией» для разработки новых методов и форм педагогической работы. Лаговский был главным помощником В. В. Зеньковского в работе Религиозно-педагогического кабинета в Париже, организовывал педагогические совещания и семинары, выступал с докладами, координировал детскую работу в РСХД; после переезда в Эстонию активно налаживал работу с детьми и молодежью в рамках РСХД в Прибалтике. Вклад Лаговского в теорию педагогики связан прежде всего с тем, что он развивает идеи В. В. Зеньковского о «целостной школе». Лаговский подчеркивает, что целостный подход может быть не только в религиозной, но и в антирелигиозной школе (опыт советской России), что при целостном религиозном подходе речь идет не о количественном соотношении светских и религиозных предметов или привнесении религиозных атрибутов в процесс образования, а о пересмотре фундаментальных установок педагогики. Главным должно стать внимание к духовной жизни ребенка, его духовному росту, событию его встречи со Христом. Для этого нужно учитывать особенности духовного состояния современной молодежи, уделять внимание физическому воспитанию, понимаемому как «религиозная культура тела», развитию творческих способностей, приобщенности к культуре. В статье также изложены те рели-

© Ликвинцева Н. В., 2024

гнозно-философские и богословские взгляды Лаговского, которые помогают лучше понять его теорию педагогики (православная философия телесности, богословие культуры, «реализм» в богословии). Особое внимание обращено на важность для христианской педагогики не только разговоров о Христе, но и свидетельства о Нем. В жизни Ивана Лаговского таким свидетельством стал его мученический подвиг: он был арестован НКВД в Эстонии и расстрелян в 1941 г. В 2012 г. он был причислен к лику святых как мученик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: богословие, христианская педагогика, В. В. Зеньковский, Русское студенческое христианское движение, Русское зарубежье

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ликвинцева Н. В. Иван Аркадьевич Лаговский как христианский педагог // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. Т. 16. Вып. 1 (№ 49). С. 86–106. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_86.

N. V. Likvintseva

Ivan Arkadyevich Lagovsky as a Christian Pedagogue

Natalia V. Likvintseva

Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, Moscow, Russia,
natalia.likvintseva@gmail.com

ABSTRACT: The article examines the contribution of Ivan Lagovsky (1899–1941) to Christian pedagogy of the Russian diaspora. The author draws attention to the fact that Lagovsky’s pedagogic activity is closely connected with the Russian Student Christian Movement (RSCM), which has become a kind of “laboratory” for the development of new methods and forms of work. Lagovsky was V.V. Zenkovsky’s main assistant in the work of the Religious and Pedagogical Cabinet in Paris, he organized pedagogical meetings and seminars, made reports, coordinated the work with children in the RSCM; after moving to Estonia, he established the work with children and youth within the framework of the RSCM in the Baltic States. Lagovsky’s contribution to the theory of pedagogy is connected, first of all, with the fact that he develops the V.V. Zenkovsky’s ideas about the “integral school”. Lagovsky emphasizes that an integral approach could be found not only in a religious, but also in an anti-religious school (the experience of Soviet Russia); that with an integral religious approach we are not talking about the quantitative ratio of secular and religious school subjects or the introduction of religious attributes into the educational process, but about the revision of fundamental principles of pedagogy. The main point should be attention to the spiritual life of the child,

their spiritual growth, the event of his meeting with Christ. For this end, it is necessary to take into account the peculiarities of the spiritual state of modern youth, pay attention to physical education, understood as “religious culture of the body”, the development of creative abilities, and involvement in culture. The article also outlines those religious philosophical and theological views of Lagovsky, which help us better to understand his theory of pedagogy (Orthodox philosophy of corporeality, theology of culture, “realism” in theology). Particular attention is paid to the importance for Christian pedagogy of not only talking about Christ, but also witnessing about Him. In the life of Ivan Lagovsky such witness’ testimony was his martyrdom: arrested by the NKVD in Estonia, he was executed and canonized as a martyr.

KEYWORDS: theology, christian pedagogy, Russian Student Christian movement, V. Zenkovsky, Russian diaspora

FOR CITATION: Likvintseva N. V. (2024). “Ivan Arkadyevich Lagovsky as a Christian Pedagogue”. *The Quarterly Journal of St. Philaret’s Institute*, v. 16, iss. 1, n. 49, pp. 86–106. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_86.

Иван Аркадьевич Лаговский (1889–1941) нашел свое призвание и применение своим разнообразным дарованиям в Русском студенческом христианском движении (РСХД). К моменту своего вступления в РСХД в 1924 г. Лаговский, до эмиграции успевший окончить Киевскую духовную академию (1913) и поработать учителем в Екатеринославе, был подающим надежды студентом Русского педагогического института в Праге. Там его и заметил В. В. Зеньковский и сразу привлек именно к педагогической работе, пригласив войти в организованное им Педагогическое бюро и поручив изучить для бюро советские педагогические течения. В это же время Лаговский входит в пражский кружок РСХД и становится духовным чадом прот. Сергия Булгакова. По окончании института в 1926 г. Иван Аркадьевич, по приглашению В. В. Зеньковского, переезжает в Париж и становится секретарем РСХД и преподавателем Свято-Сергиевского православного богословского института. Педагогическая деятельность И. А. Лаговского развивалась в определенной среде — внутри «движенской» жизни, с характерным для начального периода РСХД творческим вдохновением, опытом единения вокруг евхаристической чаши (переживаемым как продолжение опыта «Пшеровской Пятидесятницы»), с которого и началась история РСХД за рубежом),

идеями «оцерковления жизни» и создания православной культуры, воспринятыми как непосредственные задачи всеми участниками движения, в атмосфере горячих интеллектуальных дискуссий по поводу вектора развития движения и выработки форм его существования. В РСХД педагогическая работа стала для Ивана Аркадьевича одним из его многочисленных служений, наряду с его секретарской работой (с 1926 — в Центральном секретариате, с 1934 — в РСХД в Прибалтике, где он участвует в создании Русского христианского движения крестьянской молодежи), изданием журнала «Вестник РСХД», постоянным обзором для движения положения гонимой церкви в советской России, ведением литургического кружка. Тем не менее, педагогическое направление сразу становится одним из главных в церковной работе И. А. Лаговского.

Педагогическая работа И. А. Лаговского

В 1927 г. для координации всей педагогической работы в Свято-Сергиевском православном богословском институте и в РСХД, а также для разработки ее методологии В. В. Зеньковским был создан Религиозно-педагогический кабинет (РПК), в котором И. А. Лаговский сразу стал играть вторую после самого Зеньковского роль. Изначально задуманный как организация, тесно связанный с институтом (в котором Лаговский занимал должность ассистента кафедры психологии и педагогики, помимо преподавания на кафедре Ветхого Завета¹), Кабинет занял помещение недалеко от Института и начал собирать педагогическую библиотеку, которой могли пользоваться преподаватели и студенты. Однако, как вспоминал Зеньковский, «уже в первом году нашей работы выяснилось, что лабораторией, которой мы могли с Лаговским пользоваться для изучения методов работы, было Движение и только оно одно» [Зеньковский 2014, 131]. Поэтому в 1928 г. Кабинет переезжает в штаб-квартиру РСХД (Монпарнас, 10) и сосредотачивает свои усилия на разработке форм, методов и непосредственной организации педагогической работы в Движении: постепенно самыми устоявшимися формами работы с детьми становятся организации дружин

1. Подробнее о Лаговском как преподавателе Свято-Сергиевского православного богословского института см.: [Викторова].

мальчиков и девочек (витязей и дружинниц), воскресно-четверговые школы и летние детские лагеря (последняя форма оказалась самой эффективной, она продолжает существовать в РСХД вплоть до наших дней). Помимо непосредственной помощи в организации такой работы, Кабинет выпускал «Бюллетень Религиозно-педагогического кабинета» и альманах «Вопросы религиозного воспитания и образования», регулярно проводил религиозно-педагогические совещания (а позднее и специальные педагогические съезды), организовывал семинары по религиозной педагогике на съездах РСХД; активно занимался научной работой: проводил анкетирование с целью выявить духовный облик современной молодежи, изучал современную педагогику и психологию, особенно христианские методы работы с детьми, создавая библиографические обзоры и пытаясь применить в работе лучшие находки и достижения; изучал положение педагогики в советской России с ее систематизированной антирелигиозной агитацией. Лаговский был главным экспертом в этом вопросе. Он делал обзоры на основе всей доступной ему советской периодики и размышлял о том, что можно извлечь из этого страшного эксперимента, чтобы лучше организовать ответную борьбу с насаждаемым атеизмом и воспитать такую молодежь, которая сможет когда-нибудь помочь России освободиться от ига коммунизма и атеизма².

При этом Иван Аркадьевич предстает не просто как ученый-методист, в тиши кабинета разрабатывающий тонкости педагогических схем: мы видим его и в живом общении с детьми, в самой гуще движенской детворы. В 1927 г. в двух номерах «Вестника РСХД» он публикует отчет о посещении им первого летнего лагеря РСХД для мальчиков, обращая внимание на работу педагогов, организационные вопросы, но главное — он создает живые портреты детей, увиденных заинтересованным и любящим взглядом: они все делают сами — «сами ставили палатки, сами настилали в них пол, сколотили столы и скамейки» [Лаговский 1927а, 14]; сами обустривают церковь, выбрав «приходской совет и церковного старосту, которым поручили ближайшие заботы о церкви» [Лаговский 1927а, 15]. Лаговский описывает, как они исповедуются (многие впервые) и причащаются; как они поют русские песни «так стройно, так задушевно-грустно, что

2. Подробнее о работе Религиозно-педагогического кабинета см.: [Гутнер, 273–280].

крестьянин, шедший куда-то по хозяйственным надобностям, вдруг остановился, задумался и забыл, куда и зачем он шел» [Лаговский 1927б, 16]. Зеньковский вспоминает, что в 1932–1933 гг., когда они с Лаговским активно обсуждали работу с подростками, Иван Аркадьевич «с присущей ему страстностью, весь отдался работе со старшими мальчиками и твердо надеялся на то, что ему удастся прочно связать витязей с Движением» [Зеньковский 2014, 201]. Описывая конфликт руководителя витязей Н. Ф. Федорова с РСХД, приведший к отпочкованию их от движения, В. В. Зеньковский замечает, что, если бы И. А. Лаговский не переехал к тому времени работать в Эстонию, а оставался бы «в Париже, когда разразилась федоровская история, не все бы старшие витязи ушли бы с Федоровым» [Зеньковский 2014, 208].

В 1933 г. Лаговский переезжает в Эстонию (откуда родом была его жена Тамара Павловна Лаговская, урожд. Бежаницкая) в качестве секретаря РСХД в Прибалтике. Ему приходится входить во многие подробности педагогической работы Движения в Прибалтике, вплоть до организации мельчайших деталей такой работы. Ирина Пярт отмечает, что Иван Аркадьевич играл важную роль, например, в проекте организации движенских детских садов, в которых предполагалась работа участниц РСХД³. В это же время супруги Лаговские оказываются одними из главных организаторов детских лагерей в Эстонии. Описание одного такого лагеря 1936 г., с его творческой, свободной атмосферой, гармонично сочетающейся с требованием дисциплины, мы находим в письме Ивана Аркадьевича к А. В. Морозову от 17 июля 1936 г. Вот как он описывает открытие лагеря, во время которого вдруг полил проливной дождь с градом:

Так и торжествовали под дождем и градом. По окончании — еще речь приветственную сказал, выразил надежду, что так необычайно и весело начавшийся лагерь будет и в своем продолжении одним из лучших. «Витязи и дружинницы, помни девиз». Весело ответили — «За веру, за правду». «Бегом домой сушиться, марш». Бежали — под ливнем и градом — так весело, так заразительно все хохотали, глядя друг на друга, глядя, как каждый был

3. См.: «В своей работе с дошкольниками РСХД искало сближения с лютеранской организацией „Общество прибалтийской помощи“, которое содержало русскоязычные детские сады в бедных районах Эстонии. Лаговский встречался с руководителями общества в 1939 и 1940 гг., обсуждая

планы двухгодичных курсов для подготовки учителей для детских садов. Предполагалось, что часть женщин-членов РСХД пройдет эти курсы, которые должны были открыться в июле-августе 1940 г.» [Пярт, 346–347].

чем-то вроде живого колодца, что, право, самое веселое открытие было. Потом... повесили на протянутых веревках кофточки, штанцы, рубашки... Лагерщики, в ожидании пока высохнет форма, превратились в костюмированных участников неожиданного веселого маскарада. К вечеру — заработали уютги — дружинницы спасали красоту и свою, и Витязей. Начало не обмануло — лагерь, действительно, вышел чудесным [Письма, 227].

Сохранились и воспоминания о Лаговском одной из его учениц-дружинниц Марии Плюхановой. Она пишет:

Своим человеком был и секретарь по Прибалтике, присланный к нам из Парижа, Иван Аркадьевич Лаговский. Он жил в Тарту, но часто приезжал в Таллин и направлял всю нашу работу. Очень интересовался молодежью, жизнью нашей Дружины, знал большинство из нас по именам. Так и вижу его сутулую фигуру, сидящую среди нас, его длинные, всегда жестикулирующие руки, слышу его милое, ничуть нам не мешавшее заикание. Он говорил часто и подолгу, втолковывая недоступные нам тогда истины; мы с ним даже спорили, что-то доказывая, он сердился и налетал на нас все новыми и новыми доводами. Очень это было интересно и поучительно [Плюханова, 152].

М. Б. Плюханова также отмечает атмосферу внутренней свободы, характерную для движения, в которой не было

никакого ханжества, никакого давления сверху. <...> Все находили в нашей общей жизни свое место, и всем было легко и привольно под руководством, даже не под руководством, а под доброжелательной опекой, наших самоотверженных руководителей [Плюханова, 153].

Подобные свидетельства позволяют И. Пярт говорить о том, что главным педагогическим методом РСХД в Эстонии «было отсутствие давления на детей и подростков, индоктринации манипуляции» [Пярт, 349]; работа строилась «на принципах совместной деятельности, эгалитарной организации, на совместном интересе и общении» [Пярт, 348].

Теория христианской педагогики

Вклад И. А. Лаговского в теорию христианской педагогики продолжает и развивает некоторые аспекты мысли В. В. Зеньковского, его старшего товарища и основателя не только Религиозно-педагогического кабинета, но и всего нового «религиозного направления»

в педагогике⁴, с его попыткой создать православную концепцию воспитания личности и целостной христианской школы, которая сконцентрирована на духовном воспитании ребенка, на его духовном росте и раскрытии в нем образа Божьего. В отличие от своего учителя, Лаговский не строит целостную педагогическую систему, он скорее педагог-практик, однако некоторые вопросы теории, возникающие в его работе, в общении с детьми и с педагогами, он тщательно разрабатывает в своих статьях, выходящих в эмигрантской периодике (главным образом, в «Вестнике РСХД»).

В совместно написанном вступлении к первому выпуску издаваемого ими альманаха «Вопросы религиозного воспитания и образования» В. В. Зеньковский и И. А. Лаговский связывают необходимость разработки нового подхода к педагогике, поиска новых путей образования и воспитания в первую очередь с тем, что «дети и подростки наших дней не только в России, но даже в эмиграции столь отличны от молодежи в предыдущие годы» [Зеньковский, Лаговский, 3], что прежние методы уже просто не работают, ни школа, ни семья не могут справиться с ситуацией: «Наше юное поколение принадлежит уже новому времени, несет на себе всю его тяжесть, внутренне обременено всем сложным и запутанным духовным положением» [Зеньковский, Лаговский, 4]. Попытка обрисовать духовный портрет современной молодежи, выявить поколенческие особенности тех, на кого направлены усилия педагогов русского зарубежья, была одной из тех теоретических задач, которые ставил перед собой РПК и которые решал в ряде своих статей Иван Аркадьевич. Он вглядывается в советскую молодежь, пытаясь вычленив за расчеловечивающим механизмом советской атеистической пропаганды (методы воздействия которой он тоже пристально изучает, так как без этого невозможно будет помочь религиозному возрождению России в будущем⁵) ростки живого, ту юную жизнь, которая продолжает теплиться даже в условиях мертвящей идеологии, господствующего духовного мещанства: «Но начинается искание и иных путей. Воля

4. Название этому направлению в педагогической мысли — «религиозное», в отличие от «натуралистического» (советская педагогика) и «идеалистического» (С. И. Гессен) дал сам В. В. Зеньковский в своей работе «Русская педагогика в XX веке»; он же отнес к этому направлению, наряду с самим собой, и И. А. Лаговского, а также еще нескольких активных участников Религиозно-педагогического кабинета и РСХД (прот. Сергия

Четверикова, Л. А. Зандера, А. С. Четверикову, прот. Николая Афанасьева, С. С. Шидловскую-Куломзину) [Зеньковский 1960, 50]. Подробнее о теории педагогики самого прот. Василия Зеньковского и созданного им направления см.: [Дивногорцева; Любан; Лычковская; Машарова, Сахаров, Сахарова; Ramazanova, Togailbayeva et. al.].

5. См.: [Лаговский 1927в; Лаговский 1928б].

к преодолению удушающей безысходности коммунистического бреда, по-видимому, растет...» [Лаговский 1930, 18]. Подробной характеристике эмигрантской молодежи посвящен очерк 1934 г. «Русская молодежь здесь и там». Лаговский переносит основной акцент с проблемы денационализации⁶, неизбежно вставшей, в первую очередь, перед педагогикой русского зарубежья, на проблему «дехристианизации», связанную с разрывом «могучих человеческих связей и уз» (родины, семьи, быта) [Лаговский 1934, 9], с непосредственным опытом жизни в тяжелых условиях физического труда и борьбы за выживание, с «социально-этическим радикализмом» [Лаговский 1934, 13], «исчезновением чувства вечности» [Лаговский 1934, 15] и «спиритуализацией всех технических средств» [Лаговский 1934, 16]. Но как бы ни была дехристианизирована и культурно обеднена эта молодежь, именно она является той «значительной, стихийно-жизненной силой» [Лаговский 1934, 16], которой нужно овладеть, ибо именно за ней будущее: «Перефразируя слова одного из героев Достоевского, можно сказать, что сейчас средоточием борьбы между Богом и дьяволом становится сердце молодежи» [Лаговский 1930, 18]⁷. Б. В. Плюханов записывает слова, произнесенные И. А. Лаговским на втором съезде РСХД в Прибалтике в 1929 г.: «Наша молодежь, как евангельский расслабленный, ищет Христа и тянется за Ним. Надо нам всеми средствами помочь ей прийти к Нему» [Плюханов, 98].

Одним из принципиальных моментов в педагогической системе В. В. Зеньковского был разрабатываемый им «вопрос о целостной школе» [Зеньковский 1960, 37] как о школе «оцерковленной», живущей церковно; это такой же идеал, задающий направление для развития, как и общая идея «оцерковления жизни»⁸. И. А. Лаговский вносит свой вклад в разработку концепции «целостной педагогической системы», «целостной школы» в статье 1929 г. «Неотложное». Иван Аркадьевич начинает с того, что замечает параллелизм исходных установок, положенных в основание как целостной религиозной, так и целостной антирелигиозной школы (за экспериментальным построением которой в советской России он не устает пристально следить):

6. О борьбе эмигрантской педагогики с проблемой денационализации и о роли в ней церковных организаций, и в частности РСХД, см.: [White, 140].

7. В этой же статье «Мировое безбожие (Работа среди молодежи)» Лаговский отмечает, что католический и протестантский мир уже сумели

расслышать этот вызов времени и ответить на него созданием «мощного религиозного движения» среди молодежи, тогда как православный мир все еще только подходит к «постановке вопроса» [Лаговский 1930, 18].

8. Подробнее см.: [Лычковская, 110–114].

Первенствующее и существеннейшее для целостной школы — открыть или создать в человеке ту силу, которая организует жизненное единство человеческой личности, создать тот живой, динамический центр, из которого растет вся любовь и ненависть человека, в котором все проявления внутренней и внешней жизни вступают в целостно-личное, творческое отношение к человеку, свободно избираются или отвергаются им, иерархически располагаются [И. Л. 1929, 1].

Советская антиутопия может послужить нам предостерегающим уроком при осуществлении насущной задачи создания «целостно-религиозной школы» и творческой разработки ее идеала. Таким же предостережением может служить и опыт религиозного воспитания в прежней дореволюционной школе, который всего лишь готовил ребенка к будущей религиозной жизни, «формируя благочестивые навыки»; акцент же делался на чисто образовательном, а не воспитательном процессе. Такое привнесение религиозных элементов в процесс научения (вроде икон, лампад, молитв перед уроками и даже чисто религиозных предметов в программе школы), вне зависимости от нарастания их количества, не могло сделать школу целостно-религиозной. Измениться должна была сама изначальная установка, сама иерархия ценностей. Акцент должен быть сделан не на моменте научения, а на религиозном воспитании, но и оно понимается теперь новаторски, не как подготовка к будущей религиозной жизни, а как внимательное и бережное отношение к той духовной жизни, которой уже сейчас живет ребенок, к духовной жизни как

таинственному соединению полноты религиозного, церковного опыта с моим личным ответным движением на него, как раскрытию этого опыта в моем индивидуальном устремлении — движению к лику Христову, сияющему через этот опыт [И. Л. 1929, 2].

Тогда сам педагогический процесс будет восприниматься как «тайна, чудо религиозной жизни» [И. Л. 1929, 2], учитывающей не только природные факторы, но и таинственное содействие благодати, преобразующей человека в процессе его личностного роста; как

иное качественное духовной тональности, установление иной иерархии ценностей, свободное признание и осуществление в жизненном подвиге действенного раскрытия веры, как главенствующего, целостно определяющего всю жизнь начала [И. Л. 1929, 2].

Иван Аркадьевич не устает предостерегать от того, чтобы не превратить такой идеал целостной школы в утопию, которая, вместо того чтобы направлять работу, будет ей только мешать. В конкретной педагогической работе, предупреждает Лаговский в докладе о «Церкви и школе» на Религиозно-педагогическом съезде в Режице (Латвия) в 1930 г., нужно, сохраняя реализм, помнить «о взаимоотношениях школьной действительности и всей окружающей ее среды» [*Хроника*, 6]. На Религиозно-педагогическом семинаре в декабре 1929 г. он делает доклад «Семья и школа», предостерегая против перекосов во взаимоотношениях семьи и школы при нынешнем состоянии как школы, так и семьи:

Для религиозной школы приемлемо только сотрудничество, но примат семьи все же должен быть утверждён. Семья для христианина — это малая церковь, чего нельзя сказать о школе. Религиозная школа первая должна принять семью, как клеточку, в свой организм [*Протокол 1930*, 8].

Отдельное внимание уделяет Иван Аркадьевич и такому моменту в программе целостной школы как физическое воспитание ребенка, этому посвящена его статья с характерным названием «Религиозная культура тела». Лаговский напоминает, что усредненному религиозному сознанию «присуще отрицание онтологической ценности тела», «уход в однобокий спиритуализм» [*И. Л. 1930*, 1]. Но цельный человек, такой, каким его знает Священное писание и опыт Церкви,

есть именно единственное чудо сочетания противоположностей духа и материи, есть раз и навсегда в бытии данное оформление духа и тела, в единстве человеческой индивидуальности преодолевающее дуализм духовного и материального [*И. Л. 1930*, 1].

Поэтому и усилия христианского педагога должны быть направлены на такое живое сочетание души и тела в единстве личности, на развитие целостного человека, почтительно относящегося к своему телу как к «храму Божию». Такой подход позволяет говорить уже не о «физическом воспитании», как принято в традиционной педагогике, а именно о «религиозной культуре тела», что и должно иметь место в целостной религиозной школе. В этом отношении проблема тела приобретает новую глубину, открывает «ряд сложных и трудных вопросов», связанных с осознанием и принятием телесности («например, вопрос о целомудрии, его

смысле и значении, вопрос о выявлении природной красоты тела и ее одухотворении» (ритм, пластика, танцы); «задача овладения возможностями тела (спорт, гимнастика), создания „благообразного быта“ и т. д.» [И. Л. 1930, 2]. Эти вопросы становятся не камнями преткновения, а новыми возможностями для целостного развития личности.

Еще одним важным моментом целостной религиозной педагогики будет, по Лаговскому, усиление внимания к педагогической функции творчества и искусства, к неотрывности религиозного воспитания от его культурного контекста, от культуры в целом. В статье «Неотложное» он пишет: «Организация внутреннего мира, упорядочение хаоса натурального, сохранение свежести и чистоты источников творчества, целостности человеческого духа, — вот где лежит „сердце“ и душа целостной школы» [И. Л. 1929, 1]. Конечно, момент научения, интеллектуального воздействия на ребенка и формирования у него технических навыков нельзя недооценивать при составлении программы такой школы, но сама иерархия ценностей здесь будет другой, с большей ориентацией на вовлечение ребенка в творческий процесс. При этом важно не забывать о самом пространстве культуры, культурно-религиозной среды, вне которого целостная школа останется всего лишь утопией, не забывать об общей работе по оцерковлению культуры, об императивной связи культуры и любви, без которой вместо культуры остается только «культивирование» [И. Л. 1929, 1]. Нужно помнить также и о культурном уровне тех, кто занимается педагогической работой. В своем докладе на Религиозно-педагогическом совещании в сентябре 1929 г. Лаговский призывает: «Нам необходимо в нашей работе соприкоснуться с подлинной культурой, всякая неподлинность осудит нас самих» [Протокол 1929, 8].

При такой постановке вопроса о культуре, требующей творчества не только от ученика, но и от учителя, хорошо видна еще одна особенность педагогической мысли Лаговского: его внимание не только к методологии и задачам педагогической работы, но и к роли в ней учителя-педагога. Если в целостной школе в фокусе внимания должно быть именно духовное развитие ребенка, то это в принципе невозможно без наличия духовной жизни и личных отношений с Богом у учителя. Главной задачей такой педагогики становится вопрос: «как помочь детям в их стремлении ко Христу» [Лаговский 1929, 20]? Педагогика тогда воспринимается как свидетельство о Христе, как смиренная попытка,

при всем осознаваемом достоинстве педагогов, подвести детей, молодежь ко Христу, приобщить их к подлинной духовной жизни и духовной красоте:

Нужно исповедничество, явленность своего идеала в действии, превращение его в опыт личной жизни. <...> Очарование учителя не в его знаниях, не в его опыте, а в его духовной красоте, в тех токах сверхчувственных, которые идут от него [Лаговский 1928а, 24].

Иван Аркадьевич призывает уподобиться св. Иулиании Лазаревской, пекшей для голодающих хлеб из лебеды: «Будем же и мы раздавать наши плохие, негодные хлебцы, будем стараться зажигать души других тем огнем, которым горим сами» [Плюханов, 100–101]. Это предполагает пространство свободы, в котором происходит не «передача» религиозного мировоззрения в уже «законченном, готовом виде» [И. Л. 1931, 25], а помощь в его самостоятельной выработке учеником; не жесткое обучение религиозным доктринам и положениям, а участие в тайне встречи живой личности ученика с живым Христом.

Религиозно-философские и богословские основания педагогических идей И. А. Лаговского

Говоря об Иване Аркадьевиче Лаговском как о мыслителе, стоит отметить, что комплекс педагогических идей составляет лишь часть его наследия, что-то вроде верхушки айсберга, основанием которого будут те религиозно-философские и богословские положения, которые он разрабатывает в нескольких статьях, опубликованных в эмигрантской периодике. Мы попробуем проследить несколько таких положений, которые позволяют придать педагогике И. А. Лаговского больший вес и объем.

Идея физического воспитания как «религиозной культуры тела» будет частью своеобразной православной философии телесности, которую Лаговский развивает в статье «Спасение и культура» (1932). Он подробно останавливается на проблеме личности как соединении тела и духа, «как чуда и тайны индивидуального неслиянного соединения двух природ» [Лаговский 1932, 21]. Это связано с тем, что тело ни в коей мере не равно телесности как чистой материальности, тело есть уже пронизанность телесности формой, приобщающей ее к началам ритма, красоты, гармонии. Именно поэтому через тело, и только через него, мы можем

прикоснуться к полноте и радости бытия. Поэтому все проявления духовной жизни человека изначально связаны с «функцией отелеснивания» [Лаговский 1932, 22]. Человеческий дух

объективирует духовное бытие в образах телесности и требует дальнейших воплощений этих отелесненных узрений, стремится к новому как бы уплотнению телесности, в художественном образе, — в мысли, в звуках и т. д. Всякое творчество — художественное, научное, вся полнота культурного творчества восходит к этой неустранимой тайне потребности двойной объективации, вытекает из нее [Лаговский 1932, 22].

Продумывание вопроса о телесности будет лишь одним из положений разрабатываемого Лаговским богословия культуры, проясняющего его мысли о значимости культуры и творчества для религиозного воспитания. Идея культуры как еще одного пути спасения, если не равнозначного, то «равночастного и равносильного» [Лаговский 1932, 25], а не противоположного «мироотреченному» пути традиционной аскетики, стала основной темой статьи «Спасение и культура». Односторонний аскетизм «иссушает таинственные глубины, питающие и оживотворяющие его» [Лаговский 1932, 25], в результате чего появляются своеобразные симулякры веры: «монашествующие» вместо подлинных «монахов», своей охранительностью и неподлинностью лишь мешающие «войти в Царствие» [Лаговский 1932, 25]. Лаговский напрямую связывает с творческой способностью человека два основных пути восхождения человека к Богу — молитву и покаяние, и пишет о том, что культурное творчество (причем не только церковное, но и понимаемое в самом широком смысле слова) должно быть понято «со всей религиозной серьезностью, значительностью домостроительного долга, связанного с ним» [Лаговский 1932, 33]. Оно должно быть оцерковлено, освящено Церковью, продумано как осуществление царственного служения Христа в мире после Его вознесения, как преображение мира, как «осуществляемая через человека сила спасающей мир благодати Божией» [Лаговский 1932, 33]. Поэтому все, кто трудятся на ниве творческого, «софийного делания» (ученый, художник, поэт, и в числе прочих — педагог), «призваны к священнодействию во „внехрамовой“, мировой литургии» [Лаговский 1932, 33].

Тему творческого труда интеллигенции именно как одной из разновидностей церковного служения Иван Аркадьевич рассматривает в двухчастной статье 1937 г. «Интеллигенция и созидание

Церкви». Он обращает внимание не только на роль церковной культуры, не отделимой «от жизни Церкви» [Лаговский 1937а, 16], но и культуры вообще, вне зависимости от ее религиозного характера, при условии, что это подлинная культура, в Божественном домостроительстве. Именно культура, по Лаговскому, работает с «непросветленными стихиями духовно-душевного мира человеческого бытия», с «безднами личного и всечеловеческого подполья, человеческой страстности» [Лаговский 1937б, 10]. Окончательно просветить и преобразить этот «океан общей духовно-душевной жизни» может лишь Церковь Христова, но подготавливает и начинает такую работу именно культура, становясь проводником света разума и благодати, инструментом преображения мира. Поэтому «служение интеллигенции, даже независимо от того, является ли интеллигенция церковной, есть служение по существу священное и религиозное, существенно церковное» [Лаговский 1937б, 12]. Это делает еще более актуальной задачу «воцерковления культуры», без обращения к которой и вся религиозная педагогика будет всего лишь еще одной утопией:

Личный подвиг, личная святость, стремление к ней, молитвенная и литургическая жизнь с одной стороны, и труд над общим просветлением, благодатствованием стихий духовно-душевной жизни, труд над созиданием культуры, находящий свое завершение и расцвет (акмэ) в воцерковлении культуры и жизни, с другой — есть единый процесс созидания Тела Христова, созидания Церкви Христовой [Лаговский 1937б, 16].

И, наконец, сама идея целостной педагогики, целостной школы неотделима в творчестве И. А. Лаговского от его общей богословской интуиции живого единства и цельности бытия, которую он излагает в статьях «Догматический опыт и догматические схемы (к „осуждению“ учения о. С. Булгакова)» и «Возвращение в отчий дом (Номинализм и реализм в Богословии)». В обеих статьях Лаговский полемизирует с теми, кто выдвигает против софиологии прот. Сергея Булгакова обвинения в ереси, подробно рассматривая богословские основания таких обвинений и находя их в приверженности «обвинителей» к традиции «номиналистического» богословия, отвлеченного, «рационализирующего» [Лаговский 1935–1936, 33] и оторванного от святоотеческой традиции. Он противопоставляет им подлинную и укорененную в Писании и Предании Церкви традицию «реалистического» богословия как онтологию полноты и радости: «Все тварное бытие целостно и едино, потому что оно

пронизано жизнетворными и приснотекущими лучами единой и приснотекущей жизни „Божественных начал“» [Лаговский 1997, 49]. Такое богословие динамично, так как живет «динамической тайной Царствия Божия, как непрерывного роста, и само всегда есть рост» [Лаговский 1997, 51], оно приобщено к «светлой радости всего отеческого и литургического мирочувствия» [Лаговский 1997, 61]. Тогда целостная школа будет лишь одним из моментов радостной целостности бытия как приобщенности к Богу, той целостности, к которой подлинный учитель, живущий подлинной духовной жизнью, подводит ученика, помогая ему сделать самостоятельный шаг к полноте и радости жизни во Христе.

Мученичество как свидетельство

Иван Аркадьевич Лаговский постоянно размышлял о важности свидетельства как исповедания Христова учения не только словами, но всей своей жизнью (без чего просто невозможна подлинная христианская педагогика). Одним из его служений в РСХД было пристальное внимание к процессам, происходившим в советской России, что отражалось не только в обзорах антирелигиозной пропаганды и церковных гонений в СССР, но и в неустанных попытках разглядеть, даже сквозь советские репортажи, молчаливый подвиг тех, кто в условиях гонений хранит веру: «мучеников и подвижников, крепких стояльцев за веру», и «рядовых служителей дела Божьего, в малости своего подвижничества свидетельствующих о силе и правде Христова учения, во тьме мерцающих светом грядущего Воскресения» [Лаговский 1931б, 19]. Он размышляет о том, что

основной смысл мученичества — свидетельствование, удостоверение того, что все готов отдать, на все готов, даже на смерть, во свидетельствование, в жизненное удостоверение правды, несомненности того, чему верую, чему служу, чему жизнь отдал [Лаговский 1931а, 25].

5 августа 1940 г., после вступления Советской армии в Прибалтику, живший в Эстонии Иван Аркадьевич был арестован НКВД по делу об «антисоветской деятельности РСХД в Эстонии». О том, как стойко и мужественно он держался на допросах, можно судить по их протоколам, сохранившимся в архиве КГБ. Он отрицает свое участие в вооруженных формах борьбы или разведках, но спокойно признает:

Движение ставило своей задачей борьбу с современным материализмом и атеизмом, привлечение к церкви молодежи и содействие выработке религиозного мировоззрения. Оно строилось на основах, противоположных коммунизму. Считаю необходимым отметить, что вопрос шел именно относительно основ мировоззрения [*Дело РСХД, 197*].

Из этих протоколов мы узнаем, в числе прочего, и подробности его педагогической работы в Париже и в Прибалтике, ее формы и задачи, и то, что антисоветский характер такой работы был связан с тем, что она заключалась «в разработке программ и методов работы с молодежью в антиматериалистическом и антикоммунистическом (поскольку коммунизм связан с безбожием) духе и распространении этих программ и методов» [*Дело РСХД, 210*]. Иван Аркадьевич был расстрелян 3 июля 1941 г. в Ленинграде; место его захоронения до сих пор неизвестно. 11 мая 2012 г. он был причислен к лику святых Православной церкви Священным синодом Константинопольского патриархата как мученик.

Иван Аркадьевич Лаговский внес важный вклад в развитие христианской педагогики в XX в. своими теоретическими разработками идей целостной христианской школы, физической культуры тела, роли творчества в воспитании и педагогики как подведения ко Христу; своей практической работой с детьми и выработкой новых форм и методов такой работы в РСХД; и собственной жизнью, до конца, вплоть до мученического подвига, отданной Христу, ставшей свидетельством о Христе не только для его учеников и современников, но и для будущих поколений.

Источники

1. *Дело РСХД* = Из архива КГБ. Дело РСХД в Эстонии (показания И. А. Лаговского) // Вестник РХД. 1995. № 171. С. 189–247.
2. *Зеньковский 1960* = Зеньковский Василий, прот. Русская педагогика в XX веке. Париж : Религиозно-педагогический кабинет, 1960. 55 с.
3. *Зеньковский 2014* = Зеньковский В. В. Из моей жизни: Воспоминания. Москва : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына : Книжница, 2014. 464 с.
4. *Зеньковский, Лаговский* = Зеньковский В. В., Лаговский И. А. Предисловие // Вопросы религиозного воспитания и образования. Париж : Религ.-пед. кабинет при Православ. Богослов. ин-те, 1927. Вып. 1. С. 3–6.
5. *И. Л. 1929* = И. Л. [Иван Лаговский]. Неотложное // Бюллетень Религиозно-педагогического кабинета. № 8. Приложение к журналу «Вестник РСХД». 1929. № 11. С. 1–3.

6. *И. Л. 1930* = И. Л. [Иван Лаговский]. Религиозная культура тела // Бюллетень Религиозно-педагогического кабинета. № 13. Приложение к журналу «Вестник РСХД». 1930. № 4. С. 1–2.
7. *И. Л. 1931* = И. Л. [Иван Лаговский]. «Нужно организовать» (Вопрос о заочном руководстве самообразованием) // Вестник РСХД. 1931. № 5. С. 25–27.
8. *Лаговский 1927a* = Лаговский И. Lucelle // Вестник РСХД. 1927. № 10. С. 14–16.
9. *Лаговский 1927б* = Лаговский И. Lucelle (Продолжение) // Вестник РСХД. 1927. № 12. С. 14–16.
10. *Лаговский 1927в* = Лаговский И. А. Антирелигиозная пропаганда в России: Вводный очерк // Вопросы религиозного воспитания и образования. Париж : Изд-е Религиозно-педагогического кабинета при Православном богословском институте, 1927. Вып. 1. С. 50–66.
11. *Лаговский 1928a* = Лаговский И. А. Святая Русь и современная Россия // Вестник РСХД. 1928. № 2. С. 21–24.
12. *Лаговский 1928б* = Лаговский И. А. Антирелигиозная пропаганда в России: Очерк второй. Организация и методы работы // Вопросы религиозного воспитания и образования. Париж : Изд-е Религиозно-педагогического кабинета при Православном богословском институте, 1928. Вып. 2. С. 22–56.
13. *Лаговский 1929* = Лаговский И. А. В Прибалтике // Вестник РСХД. 1929. № 10. С. 18–22.
14. *Лаговский 1930* = Лаговский И. А. Мировое Безбожие (Работа среди молодежи) // Вестник РСХД. 1930. № 10. С. 18–23.
15. *Лаговский 1931a* = Лаговский И. А. Отвлеченно-духовная церковность // Вестник РСХД. 1931. № 2. С. 24–30.
16. *Лаговский 1931б* = Лаговский И. А. «Там, где с Богом борются» // Вестник РСХД. 1931. № 5. С. 19–24.
17. *Лаговский 1932* = Лаговский И. А. Спасение и культура // Путь. 1932. № 33. С. 18–43.
18. *Лаговский 1934* = Лаговский И. А. Русская молодежь здесь и там (Очерк) // Вестник РСХД. 1934. № 5–6. С. 9–16.
19. *Лаговский 1935–1936* = Лаговский И. А. Догматический опыт и догматические схемы (К «осуждению» учения о. С. Булгакова) // Вестник РСХД. 1935. № 12 — 1936. № 1–2. С. 25–37.
20. *Лаговский 1937a* = Лаговский И. А. Интеллигенция и созидание Церкви (начало) // Вестник РСХД. 1937. № 1–2. С. 15–18.
21. *Лаговский 1937б* = Лаговский И. А. Интеллигенция и созидание Церкви (окончание) // Вестник РСХД. 1937. № 3–4. С. 9–16.

22. *Лаговский 1997* = Лаговский И. А. Возвращение в отчий дом (номинализм или реализм в богословии) // Живое предание : Православие в современности. Москва : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 1997. С. 46–70.
23. *Письма* = Письма И. А. и Т. П. Лаговских А. В. Морозову // Вестник РХД. 2014. № 202. С. 205–234.
24. *Плюханова* = Плюханова М. Б. Из воспоминаний о жизни русских в Эстонии // Вестник РХД. 1998. № 178. С. 140–153.
25. *Протокол 1929* = Протокол Религиозно-педагогического совещания в Париже 15–16 сентября 1929 г. (Продолжение) // Бюллетень Религиозно-педагогического кабинета. № 8. Приложение к журналу «Вестник РСХД». 1929. № 12. С. 4–8.
26. *Протокол 1930* = Протокол Религиозно-педагогического семинара (Продолжение) // Бюллетень Религиозно-педагогического кабинета. № 13. Приложение к журналу «Вестник РСХД». 1930. № 3. С. 7–8.
27. *Хроника* = Хроника. Религиозно-педагогический съезд РСХД в Режице (Латвия) // Бюллетень Религиозно-педагогического кабинета. № 13. Приложение к журналу «Вестник РСХД». 1930. № 3. С. 5–7.

Литература / References

1. *Викторова* = Викторова Т. В. Иван Аркадьевич Лаговский (1889–1941) // Преподобный Сергей в Париже: история Парижского Свято-Сергиевского православного богословского института / Под ред. протопр. Бориса Бобринского. Санкт-Петербург : Росток, 2010. С. 386–391.
 Viktorova T. V. (2010). “Ivan Arkadyevich Lagovsky (1889–1941)”, in Boris Bobrinsky, archpriest (ed.). *St. Sergius in Paris : the history of the Paris St. Sergius Orthodox Theological Institute*. Moscow : Rostok Publ., pp. 386–391 (in Russian).
2. *Гутнер* = Гутнер У. А. Русское студенческое христианское движение: истоки, возникновение и деятельность в 1923–1939 годах. Москва : Свято-Филаретовский институт, 2023. 432 с.
 Gutner U. A. (2023). *Russian Student Christian Movement: origins, emergence and activities in 1923–1939*. Moscow : St. Philaret’s Institute (in Russian).
3. *Дивногорцева* = Дивногорцева С. Ю. Наследие русского зарубежья: религиозная педагогика протоиерея В. В. Зеньковского и «педагогика культуры» С. И. Гессена // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2011. Вып. 2 (21). С. 68–75.

- Divnogortseva S. Yu. (2011). “The legacy of the Russian diaspora : religious pedagogy of archpriest V.V. Zenkovsky and ‘pedagogy of culture’ of S. I. Hessen”. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon’s Humanitarian University: Pedagogy. Psychology*, iss. 2 (21), pp. 68–75 (in Russian).
4. *Лычковская* = Лычковская Н. В. Социально-педагогическая работа русского зарубежья в Париже в 1919–1938 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2010. Вып. 4 (18). С. 100–128.
- Lychkovskaya N. V. (2010). “Social and pedagogical work of the Russian diaspora in Paris in 1919–1938”. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon’s Humanitarian University: Pedagogy. Psychology*, iss. 4 (18), pp. 100–128 (in Russian).
5. *Любан* = Любан Т. Н. История и современность педагогической антропологии в России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2011. Вып. 1 (20). С. 98–109.
- Lyuban T. N. (2011). “History and modernity of educational anthropology in Russia”. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon’s Humanitarian University: Pedagogy. Psychology*, iss. 1 (20), pp. 98–109 (in Russian).
6. *Машарова, Сахаров, Сахарова* = Машарова Т. В, Сахаров В. А., Сахарова Л. Г. Роль социальной микросреды в духовно-нравственном воспитании молодежи как предмет осмысления в педагогике русского зарубежья (1920–1930-е гг.) // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 3. С. 569–581.
- Masharova T. V., Sakharov V. A., Sakharova L. G. (2018). “The role of the social microenvironment in the spiritual and moral education of youth as a subject of comprehension in the pedagogy of the Russian diaspora (1920–1930s)”. *Integration of Education*, v. 22, n. 3, pp. 569–581 (in Russian).
7. *Плюханов* = Плюханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского студенческого христианского движения. Париж : YMCA-Press, 1993. 312 с.
- Plyukhanov B. V. (1993). *RSHD in Latvia and Estonia : Materials on the history of the Russian Student Christian Movement*. Paris : YMCA-Press (in Russian).
8. *Пярт* = Пярт И. П. Педагогическая деятельность Русского студенческого христианского движения в Эстонии 1920–1940-х гг. // Эстонская Православная Церковь: 100 лет автономии : Сборник материалов одноименной конференции (Таллин, 26–27 ноября 2020 г.) / Под ред. прот. Игоря Прекупа. Таллин : [Б. и.], 2021. С. 340–359.
- Paert I. P. (2021). “Pedagogical activities of the Russian Student Christian Movement in Estonia in the 1920s–1940s”, in Igor Prekup, archpriest (ed.). *Estonian Orthodox Church : 100 years of autonomy. Collection of materials*

from the conference of the same name (Tallinn, November 26–27, 2020).

Tallin : [S. n.], pp. 340–359 (in Russian).

9. *Ramazanova, Togailbayeva et. al.* = Ramazanova D., Togailbayeva A., Turebayeva K., Yessengulova M., Kartbayeva Z., Imzharova Z. (2020). “Religious approach to the problem of education in V. V. Zenkovsky’s Orthodox pedagogy”. *European Journal of Science and Theology*, v. 16, n. 6, pp. 27–36.
10. *White = White E.* (2013). “‘The Struggle against denationalization’ : The Russian emigration in Europe and education in the 1920^s”. *Revolutionary Russia*, v. 26, n. 2, pp. 128–146.

Информация об авторе

Ликвинцева Наталья Владимировна, канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник,
Дом русского зарубежья имени А. Солженицына.

Information about the author

Likvintseva Natalia Vladimirovna, Ph. D. (Philosophy), researcher, Alexander Solzhenitsyn
Centre for Studies of Russia Abroad.

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023;
принята к публикации 23.11.2023.

Эта статья также доступна на английском языке на сайте Вестника Свято-Филаретовского института.